
12+
Тим Вересов
Лавка забытых обещаний
романтическое фэнтези
12+

Тим Вересов

Лавка забытых обещаний

«Издательские решения»

Вересов Т.

Лавка забытых обещаний / Т. Вересов — «Издательские решения»,

После развода Вера Соколова приезжает в Тихоречье — город, которого нет на карте, — чтобы разобраться с неожиданным наследством. За зелёной дверью старой лавки её ждут ворчливый домовой и необычные договоры: здесь хранят воспоминания, чтобы однажды вернуть их владельцам. Но несколько конвертов исчезли, а лавке грозит закрытие. Разобраться в случившемся Вере помогает строгий инспектор Лев Арден. Почему рядом с ним ей кажется, что они уже встречались? И какие обещания невозможно забыть?

© Вересов Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Письмо с зелёной печатью 6
Глава 2. Лавка, которая вас помнит 12
Глава 3. Инспектор с холодными глазами 19
Глава 4. Подпись из прошлого 25
Глава 5. Первое возвращённое обещание 30
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Лавка забытых обещаний

Тим Вересов

© Тим Вересов, 2026

ISBN 978-5-0071-7629-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Письмо с зелёной печатью

Письмо пришло в четверг, когда Вера Соколова пыталась решить, сколько чашек нужно человеку, который теперь живёт один.

Раньше их было двенадцать: шесть белых с золотым ободком и шесть синих, купленных в Петербурге. Андрей любил синие, но жаловался на маленькие ручки и пил из белых.

Вера сняла с полки синюю чашку. На донце ещё сохранилась бумажная наклейка с ценой. За двенадцать лет брака она так и не удосужилась её оторвать.

— Чем занимаешься? — спросила мать по телефону.

— Разбираю чашки. У меня сложная инвентаризация.

— Я звоню не вовремя?

— Нет. Просто выясняю, почему у одной женщины столько посуды.

— Отдай половину Андрею.

— Он забрал кофемашину. Считай, мы в расчёте.

Мать помолчала. Вера поняла: сейчас разговор свернёт туда, куда сворачивал почти всегда.

— Лена вчера видела его в ресторане. Не одного.

Вера поставила чашку на стол. Прежде чем ответить, она ногтем подцепила краешек наклейки и сняла её. На донце остался липкий квадрат.

— Мам, мы развелись четыре месяца назад.

— Я знаю.

— Тогда почему я должна следить за его расписанием?

— Ты не должна. Я просто подумала, что лучше услышать от меня.

От кого было бы лучше услышать о женщине в ресторане, Вера не представляла. Наверное, ни от кого.

— Спасибо, что предупредила. А если Лена встретит его с собакой, сообщи тоже. Вдруг он наконец-то согласился завести корги.

— Ты всё обращаешь в шутку.

— Не всё. Сегодня вот выбираю, какие чашки оставить. Работа серьёзная.

Мать спросила, отправила ли Вера резюме, и перед прощанием добавила:

— Ты ведь мне позвонишь, если будет тяжело?

— Позвоню.

На холодильнике висел список дел. Последним значилось: «Решить, что делать дальше».

Список появился в день, когда Андрей вывез последние коробки. Всё остальное она уже вычеркнула: вызвала мастера, разобрала шкаф, поменяла замок. Новый ключ теперь был только у неё.

Вера вернула одну синюю чашку на полку. Остальные пять сложила в коробку, которую собиралась отвезти в благотворительный магазин.

В дверной звонок позвонили в тот момент, когда она заклеивала коробку скотчем.

На площадке стоял пожилой почтальон в непромокаемой куртке. На плече у него висела кожаная сумка, не подходившая к остальной форменной одежде.

— Вера Николаевна Соколова? Заказное. Нужна подпись.

Она расписалась на планшете. Почтальон протянул плотный кремовый конверт.

— От кого?

— Обратный адрес сзади.

На клапане темнел кружок зелёного сургуча с оттиском крошечного ключа. Под ним было выведено: «Тихоречье, улица Медных Фонарей, дом семь».

Вера повторила название про себя. Когда-то она диктовала этот адрес матери по телефону — из чужой кухни, где пахло яблочным пирогом. А вот сам дом вспомнить не могла.

— Вы знаете, где это? — спросила она.

— Я письма доставляю, — ответил почтальон. — Не маршруты составляю.

Он поправил ремень сумки и направился к лестнице. Его ботинки были сухими, хотя за окном лил дождь.

Она положила конверт на стол и поддела ногтем край сургучной печати. Печать отошла от клапана целиком, не раскрошившись. Внутри лежали официальный лист, билет, письмо, написанное от руки, и маленький латунный ключ на зелёном шнурке.

Уведомление начиналось строго:

«Уважаемая Вера Николаевна Соколова!

Сообщаем, что Аглая Семёновна Ветрова указала Вас в завещании единственной наследницей принадлежащего ей имущества по адресу: город Тихоречье, улица Медных Фонарей, дом 7. Для знакомства с документами и оформления необходимых заявлений просим Вас прибыть к поверенному в понедельник, 9 ноября, к 10:00. Встреча не обязывает Вас принимать наследство. Сроки и порядок принятия будут разъяснены лично».

Ниже стояли полное имя поверенного — Ефим Карлович Орлов — и номер регистрационной записи.

Вера перечитала первые строки. Потом опустила лист на стол.

Аглая умерла.

Вера попыталась вспомнить, когда в последний раз разговаривала с ней. Не смогла. Зато сразу увидела женщину с серебристой косой, которая однажды разрешила ей не идти на городской праздник только потому, что ей не хотелось.

«Если у всех праздник, это ещё не значит, что у тебя тоже», — сказала тогда Аглая и принесла им на двоих чай с вареньем.

На свадьбу Аглая прислала открытку. Вера не помнила, ответила ли. Исправить это теперь было невозможно.

Второй лист оказался билетом на поезд №713, отправлением в субботу, 7 ноября, в 18:40. В графе «Платформа» стоял прочерк. Ни вагона, ни места, ни названия перевозчика.

Третий лист пах сушёными травами. Почерк Аглаи Вера узнала сразу.

«Милая Верочка!

Если ты читаешь это письмо, значит, я уже не смогу встретить тебя на пороге и спросить, отчего ты такая худая. Знаю, ты никогда не была худой, но старшим родственницам положено так говорить.

Прости, что мы потеряли друг друга. Я всё собиралась написать длинное письмо и откладывала до следующего воскресенья.

Я оставляю тебе лавку. Она небольшая, хлопотная и упрямее меня. Ты вправе отказаться или продать её — никто не станет держать тебя здесь против воли. Но прежде, если сможешь, приезжай. Посмотри на город, выпей чаю на моей кухне. Вдруг вспомнишь что-нибудь важное.

Ключ я вложила в конверт. От станции выйдешь на улицу Медных Фонарей и дойдёшь до дома с зелёной дверью. На втором этаже есть гостевая спальня. Даже если решишь утром уехать, ночью тебе будет где остановиться.

И, Верочка, не давай обещаний из чувства долга. Особенно самой себе.

Обнимаю.

Аглая.

P. S. Если встретишь Федота, не называй его маленьким. Он считает это оскорблением».

Вера прочитала письмо дважды. На втором прочтении остановилась на словах «мы потеряли друг друга» и провела под ними пальцем.

— Прости, — сказала она в пустой кухне.

Ключ лежал рядом с письмом. Вера взяла его, взвесила на ладони и положила обратно.

* * *

Тихоречье не находилось на карте.

Вера перебрала разные написания названия, проверила улицу Медных Фонарей и фамилию поверенного. Поисковик выдавал похожие названия и магазины светильников. Поезда №713 на субботу в расписании тоже не было.

Она сфотографировала документы и позвонила матери.

— Ты ведь помнишь, куда отправляла меня летом после десятого класса?

— К Аглае, конечно. А что?

— Мне пришло письмо, что она умерла. И оставила мне магазин.

На том конце провода послышался шум: мать, кажется, выключила воду.

— Господи. Аглая… — произнесла она наконец. — Когда?

— В бумагах не написано. Здесь только приглашение к поверенному. Мам, где находится Тихоречье?

— Мы ехали на поезде, потом нас встретили. Это давно было. Ты же сама там провела три недели.

— Я помню город. Но его нет на карте.

— Может, переименовали. Там всё было очень старое, даже телефоны работали через раз.

— И расписания поезда нет.

— Вера, ты уверена, что это не мошенники?

— Именно поэтому я звоню тебе.

Вера отправила матери фотографии документов и договорилась сообщить о прибытии. Мать предложила поехать вместе, но Вера отказалась.

Имени поверенного в открытом реестре не нашлось. Справочная железной дороги тоже не подтвердила рейс. Вера подумала, что разумнее всего убрать конверт в ящик стола.

И всё же почерк Аглаи она узнала: в уголке листа была нарисована чашка. Так родственница всегда предлагала сделать перерыв на чай. Это ещё не доказывало подлинности уведомления, но выбросить конверт Вера уже не могла.

Вере захотелось хотя бы увидеть дом, в котором они когда-то сидели по вечерам.

На случай, если никакого поезда не окажется, Вера сохранила адрес круглосуточной гостиницы возле Центрального вокзала. Если же билет приведёт её в Тихоречье, она сможет переночевать в лавке: ключ от неё был в кармане сумки. Вера сложила документы в папку, оставила матери номер рейса и на холодильнике под строкой «Решить, что делать дальше» дописала: «Съездить в Тихоречье. Вернуться и решить».

Получилось не особенно торжественно. Зато выполнимо.

* * *

В субботу к пяти вечера Вера уже сидела на Центральном вокзале с дорожной сумкой у ног.

На табло не было поезда №713. Вера дважды просмотрела список рейсов.

В 17:45 она подошла к справочному окну.

— Подскажите, пожалуйста, откуда отправляется семьсот тринадцатый в восемнадцать сорок?

Женщина за стеклом набрала номер на клавиатуре.

— Куда следует?

— В Тихоречье.

— Такого рейса у нас нет.

— У меня билет.

Она просунула карточку в окошко. Сотрудница поднесла её к лампе, внимательно оглядела и вернула.

— Бумага необычная. Вы не на экскурсию едете?

— Я надеялась выяснить это у вас.

— Попробуйте дождаться объявления. Если перевозчик частный, информация может быть не в общей системе.

Сотрудница потянулась к зазвонившему телефону.

Вера купила капучино, села у окна и открыла переписку с Андреем. Когда происходило что-нибудь нелепое, она прежде всего писала ему. Обычай пережил брак и оказался упорнее здравого смысла.

«Представляешь, еду в город, которого нет на карте», — набрала Вера.

Посмотрела на строку. Удалила.

Последний год Андрей отвечал спустя несколько часов — словом «ясно» или значком с поднятым пальцем. Они разучились интересоваться жизнью друг друга.

Вера отправила матери короткое сообщение: «Я на вокзале. Пока всё нормально. Если поеду, позвоню после прибытия».

Ответ пришёл почти мгновенно: «Хорошо. Шарф надень».

Она убрала телефон, допила кофе и взглянула на билет.

В графе «Платформа» вместо прочерка стоял ноль.

Вера перевернула карточку. На обороте, прежде пустом, появились мелкие зелёные буквы: «Проход открывается за двадцать минут до отправления. Следуйте за указателем».

Она потёрла карточку. Бумага оставалась сухой, буквы не исчезали.

Вера достала телефон и сфотографировала билет. На снимке цифра и слова были видны. Значит, по крайней мере, ей не померещилось.

На часы она посмотрела уже другим взглядом.

18:21.

— Ну что ж, — сказала она себе. — У тебя девятнадцать минут, чтобы выяснить, насколько это плохая идея.

Окружающие не обратили на неё внимания.

За камерами хранения висел зелёный указатель: «Платформа 0». Раньше там было объявление о ремонте.

В коридоре она машинально отметила камеру наблюдения и пожарный выход. Так Вера проверяла любое помещение перед мероприятием: сначала выходы, потом всё остальное.

Указатель привёл к узкой зелёной двери с латунной ручкой. За ней оказалась освещённая лестница, уходящая вниз.

Вера задержала дверь ладонью и оглянулась. Коридор оставался на месте, по нему проходил мужчина с пластиковым чемоданом. Он даже не посмотрел в её сторону.

На первой ступеньке пахнуло холодным воздухом и чем-то сладким, похожим на корицу. Внизу слышались голоса.

Вера спустилась на несколько ступеней, вернулась и открыла дверь. За ней был всё тот же вокзал. Значит, выйти пока можно. Она задержала ладонь на ручке: через минуту, возможно, уже не хватит смелости проверить ещё раз.

Можно уйти. Позвонить матери. Убедить себя, что кто-то устроил розыгрыш необычайного размаха.

Она вспомнила письмо Аглаи. Что бы ни скрывалось за этим приглашением, у неё был хотя бы шанс узнать, что произошло с женщиной, к которой она так и не собралась приехать за двадцать лет.

Из глубины лестницы донеслось: «До отправления осталось десять минут».

Вера проверила телефон: связь ещё была. Написала матери: «Нашла платформу. Сейчас сяду в поезд. Позвоню, когда приеду».

Потом убрала телефон и пошла вниз.

* * *

Платформа была небольшой, со скамейками под стеклянным навесом и круглыми часами над входом. У края стояли пожилая пара с плетёной корзиной, мужчина с папкой бумаг и женщина в длинном сером пальто. Ничего похожего на тайное общество.

— Простите, — спросила Вера у женщины. — Поезд в Тихоречье здесь?

— Здесь. Вам впервые?

— Я была там в детстве. То есть в юности.

— Я там каждый месяц бываю, — ответила женщина. — На площади по-прежнему продают горячие булочки с тмином. Если проголодаетесь, попробуйте.

Вера поблагодарила её. Вдали послышался гудок.

Из темноты бесшумно выкатился короткий состав: три тёмно-зелёных вагона с золотистой полосой под окнами. Старинный силуэт локомотива казался театральным, но запах тёплого металла был вполне настоящим.

На первом вагоне блестела медная табличка: «713. Тихоречье».

Вера ещё раз проверила билет и поднялась в вагон.

Внутри вместо привычных кресел были небольшие отделения с мягкими сиденьями, столиками и настенными лампами. Она поставила сумку возле окна и села так, чтобы видеть дверь.

Проводник в тёмно-зелёном кителе появился почти сразу.

— Добрый вечер. Ваш билет, пожалуйста.

Он не удивился необычной карточке. Проверил имя, поставил маленький штамп на обороте и отдал билет.

— До Тихоречья долго? — спросила Вера.

— Чуть больше двух часов. Если погода позволит, к девяти будете на месте.

Наконец-то конкретный ответ. Вера разжала пальцы, которыми всё это время теребила билет.

— А обратно поезда ходят?

— Утром и вечером. Расписание возьмёте у дежурного на станции. Если едете ненадолго, билет обратно лучше сохранить в сухом месте. Чернила у нас капризные.

— Это я уже заметила.

Проводник чуть улыбнулся.

— Чай принести?

— Принесите, пожалуйста.

За окном пассажиры неспешно садились в вагон. Вера пыталась понять, почему их не удивляет отсутствие поезда в расписании.

В 18:40 состав тронулся.

Огни платформы исчезли. Через несколько минут пропала связь. Вера ещё раз проверила сохранённые номера и имя поверенного.

Проводник принёс чай в тяжёлом стакане с подстаканником. Пахло сушёными яблоками.

Чай оказался горячим и терпким. Вера обхватила стакан ладонями.

За окном мелькали редкие деревья. Потом стали попадаться огни домов. Вера вспомнила узкую набережную, мост с тёмными перилами и юношу, который когда-то спорил с ней о том, можно ли обещать человеку то, в чём сам не уверен.

Все ребята у моста звали его Лисом: он рисовал лисьи мордочки на полях тетрадей и неизменно пачкал пальцы чернилами. В памяти остались его испачканные пальцы, упрямый взгляд и собственная обида: он говорил серьёзно, а она думала, что шутит.

Сейчас странно было вспоминать, как сильно она тогда влюбилась. Три недели казались целым летом, а расставание — концом света. Потом началась учёба, и письма, которыми они собирались обмениваться, так и не пришли.

Вера отодвинула стакан. Интересно, жил ли Лис до сих пор в Тихоречье?

За окнами начало светлеть — не от рассвета, а от множества фонарей, стоявших вдоль рельсов. Поезд замедлил ход.

— Тихоречье, конечная, — объявил проводник из коридора.

Вера посмотрела на часы. 20:56.

Она поправила ремень сумки, проверила билет и вышла на платформу.

Вечер был прохладным. Воздух пах влажной древесиной, печным дымом и выпечкой. Небольшое вокзальное здание освещали два круглых фонаря. За его крышей угадывались силуэты домов и узкая башня с часами.

Вера остановилась у края платформы.

Она узнала наклон крыши и старую скамью под навесом. Кажется, когда-то на ней сидела Аглая с корзинкой яблок.

Мимо прошла пожилая пара. Мужчина бережно придерживал жену за локоть. Обыкновенная маленькая станция, обыкновенные люди. Никто не смотрел на вывеску.

И всё же над входом висела деревянная доска. Двадцать лет назад её здесь не было. На ней золотистыми буквами, слишком крупными для обычной станционной вывески, было написано:

«Добро пожаловать обратно, Вера».

Глава 2. Лавка, которая вас помнит

Вера достала телефон и навела камеру на доску.

На экране было написано: «Тихоречье». Она опустила телефон. Над входом по-прежнему золотилось её имя.

Она сделала ещё один снимок. Результат не изменился: на фотографии была обычная станционная вывеска, а перед глазами — приветствие с её именем. На снимке билета появившиеся буквы были видны. Здесь камера почему-то не сохраняла её имени. Вера оставила обе фотографии.

— Вам расписание? — спросили из окошка рядом с дверью.

Дежурная в вязаной кофте протягивала сложенный вдвое листок. Вера подошла ближе.

— А надпись над входом вы видите?

Женщина выглянула из окошка.

— Станционную?

Вера убрала телефон. Объяснять, почему станционная надпись обращается к ней по имени, после двух часов дороги не хотелось.

— Да. Спасибо. И расписание тоже нужно.

Она уточнила, где улица Медных Фонарей, и отошла к скамье. Телефон наконец поймал сеть. Пока связь не пропала, Вера позвонила матери.

— Приехала. Всё хорошо.

— Тебя встретили?

— Мне оставили ключ. До дома близко.

— Позвони ещё, как устроишься.

— Хорошо, мам.

На вопрос, как выглядит Тихоречье, Вера ответила, что здесь чисто и много фонарей. Это была правда, которую не требовалось доказывать фотографиями.

До лавки она дошла за двенадцать минут. Улица поднималась от станции, огибая небольшую площадь. Под закрытым навесом цветочного киоска стояло ведро с хризантемами; на соседней двери висело объявление о заточке ножей. Перед пекарней мужчина в белом фартуке убирал складные стулья. Город понемногу закрывался на ночь.

У дома номер семь Вера остановилась.

Зелёная дверь была знакомой. Она помнила вздувшуюся краску возле ручки и то, как однажды зацепила о неё рукав. Теперь краска лежала ровно, а ручка потемнела. В узком витражном окне над дверью светился янтарный ромб.

На вывеске было вырезано: «Лавка забытых обещаний».

Вера прежде не замечала этого названия. Или не запомнила. В семнадцать лет её гораздо больше занимало, отпустят ли вечером к реке.

Она достала ключ. Тот вошёл в замок туго, и Вера уже приготовилась дёрнуть дверь на себя, как делала дома, но замок щёлкнул раньше.

Над головой звякнул медный колокольчик.

— Закрыто, — сообщили из глубины лавки.

У прилавка горела настольная лампа. Её свет выхватывал весы с пустыми чашами и блюдце, на котором лежали канцелярские скрепки. На полках за прилавком стояли коробки, перевязанные бечёвкой. У окна висела связка ключей, каждый со своей картонной биркой.

Вера внесла сумку и придержала дверь.

— Мне сказали, здесь можно переночевать.

— Кто сказал?

— Аглая Семёновна.

После паузы за прилавком скрипнула ступенька. На деревянную подставку взобрался пожилой мужчина ростом едва выше Вериного колена. В шерстяном жилете, с карандашом за ухом. Одну дужку очков обматывала белая нитка.

Вера посмотрела на его лицо, затем на ладонь, вполне человеческую, лежавшую на краю прилавка. На секунду ей захотелось выйти, закрыть дверь и ещё раз прочитать письмо Аглаи — с самого начала. Вместо этого она поставила сумку на пол, чтобы не держаться за ремень как за поручень. Мужчина ждал.

— Вы Федот?

— А вы дверь закройте. Всё тепло выпустили.

Она послушалась.

— Вера Соколова. У меня есть письмо.

— Знаю я, кто вы. Шарф на батарею не кладите. Под него пыль набивается.

Вера сняла шарф и положила его на край прилавка.

— Мы знакомы?

Федот поправил очки.

— Ваше имя в старой гостевой книге есть. Я её смотрел, когда комнату готовил.

— Я вас не помню.

— Гости много чего не замечают. Особенно когда полотенце нужно чистое.

Он спустился с подставки и скрылся за прилавком. Внизу открылась низенькая калитка.

— Сумку сюда. Кухня дальше по коридору.

Вера не двинулась.

— Простите. Мне нужно понять, с кем я остаюсь в доме.

Федот остановился в проёме низкой калитки и поднял к ней лицо. Свет лампы отразился в его очках, и Вера впервые заметила, что он очень устал.

— Домовой я. За хозяйством смотрю. За учётом тоже. Аглая вам разве не написала?

Вера вновь взглянула на маленькую калитку у основания прилавка. Там лежал аккуратно сложенный коврик, а рядом стояла пара крошечных сапог. Это был не реквизит для чьего-то представления, а обжитая часть дома. Федот стоял у прилавка и ждал её ответа так терпеливо, что Вере стало неловко за собственный испуг.

— Написала только, как вас не следует называть.

— Хоть что-то полезное.

Он подождал, пока она возьмёт сумку, и пошёл по коридору.

* * *

Кухня оказалась просторнее, чем Вера помнила. У окна стоял тот же стол с ящиком для столовых приборов. Зато на месте старого буфета теперь был холодильник, а рядом с плитой — электрический чайник.

На подоконнике сохли две чашки. Вера узнала белую, с неровной синей полосой. Аглая когда-то уверяла, что расписала её сама, и не позволяла ставить в посудомойку.

— А вторая чья? — спросила Вера.

— Моя.

Федот подставил к плите табурет с дополнительной ступенькой. Всё здесь было устроено так, чтобы ему не приходилось просить помощи.

Вера поставила сумку возле двери. На стене висел календарь, открытый на октябре. Она хотела перевернуть страницу и остановилась. Двадцать четвёртое число было обведено карандашом. На полях мелким угловатым почерком значилось: «Аглая. Утро».

— Двадцать четвёртого? — спросила она.

Федот достал из хлебницы небольшой каравай.

— Утром. Да.

Вера провела ладонью по спинке стула.

— Мне никто не сообщил.

— Этим поверенный занимался. Я вашего адреса не знал.

Она вспомнила строгий лист, билет на субботу и собственное раздражение из-за отсутствующего рейса. Аглаи уже две недели не было, а её чашка всё ещё стояла у окна.

— Мне очень жаль, что я не приехала раньше.

Федот положил хлеб на доску.

— Садитесь. С дороги поесть надо.

Она села. Домовой поставил перед ней тарелку, потом достал из холодильника сыр. Когда он потянулся к верхнему шкафу, Вера поднялась и сняла нужную банку. Федот принял её без возражений.

В банке был чёрный чай.

— Лавка всё это время работала?

— Я вещи по квитанциям выдавал. Новых заказов не брал.

— Покажете мне завтра, что здесь вообще продаётся?

— Покажу. Только чужие конверты пока не открывайте.

— Я и не собиралась.

— И сковороду без прихватки не берите. Всё сразу предупреждаю, чтобы потом не бегать.

Вера отломила кусочек хлеба. Ей хотелось спросить о похоронах, о последних днях Аглаи, о том, кто был рядом. Но Федот поставил вторую чашку, сел напротив и принялся счищать с ножа прилипшую крошку. Она решила не задавать все вопросы сразу.

— Завтра покажете и где она похоронена?

— Покажу, — ответил он, не поднимая головы.

Федот кивнул на стопку полотенец на стуле.

— Высохли. Помогите наверх отнести.

Вера взяла полотенца и сумку. На лестнице пахло мылом и деревом. Под её ногой скрипнула третья ступенька; выше, у поворота, в стене виднелась светлая заплатка от снятой полки.

Гостевая спальня выходила окнами во двор. Кровать была застелена, на тумбочке стояла лампа. На нижней полке шкафа нашлись шерстяные носки, сложенные пятками друг к другу.

Вера положила полотенца на стул.

— Вода горячая есть. Кран до конца не затягивайте. Полотенце для ног полосатое.

— Спасибо.

Он кивнул и пошёл к двери.

— Федот. Я рада, что вы здесь.

Домовой задержался на пороге, поправил очки.

— Утром хлеб нужен. Почти весь съели.

Когда он ушёл, Вера села на кровать. Тело наконец напомнило о дороге: заболела шея, плечо ныло от сумки. Ей предстояло ещё позвонить матери и проверить время утреннего поезда.

Она достала телефон. Связь была. Отправив фотографию комнаты, Вера позвонила и рассказала, что устроилась, поела и останется хотя бы до встречи с поверенным. О Федоте сообщила, что он присматривает за хозяйством и очень следит за полотенцами. Мать одобрила полотенца, спросила про замок и наконец пожелала спокойной ночи.

Вера разобрала сумку, положила письмо Аглаи в ящик тумбочки. Перед тем как умыться, проверила, где оставила ключ.

* * *

Утром Вера проснулась от звука передвигаемого стула. Несколько секунд смотрела на незнакомый шкаф, прежде чем вспомнила, где находится.

На телефоне было восемь сорок и сообщение от матери: «Доброе утро. Как спалось?»

Вера написала, что хорошо. Это оказалось правдой. Ночью она ни разу не проснулась проверять время.

Внизу Федот сидел перед пустой хлебницей и чинил её разболтавшуюся петлю.

— Пекарня за площадью, — сказал он. — Серый ещё тёплый должен быть. Белый не берите, у него корка крошится.

— Доброе утро и вам.

Он поднял голову.

— Доброе. Деньги за хлеб я дам.

— Сегодня я угощаю.

На улице пахло дымом. Дверь пекарни была открыта, внутри спорили о том, сколько тмина полагается класть в булочки. Вера купила серый хлеб и две булочки без тмина: о вкусах Федота она пока знала немного.

Вернувшись, она застала домового у витрины. Он повернул табличку на двери.

— Вы же сказали, новых заказов не берёте.

— А старые выдавать надо. Воскресенье для этого и держим.

Вера оставила хлеб на кухне и вернулась в лавку. На полке лежали часы с треснувшим циферблатом; под ними из приоткрытого конверта торчал край детского рисунка. Она потянулась было поправить его, но вспомнила вчерашнее предупреждение и убрала руку.

Прежде чем решать судьбу этого места, стоило хотя бы понять, что здесь делают.

Колокольчик над дверью звякнул.

У входа стояла женщина в стёганом пальто. Из-под вязаной шапки выбилась седая прядь. Увидев Веру, она взялась за дверную ручку.

— Доброе утро. Я напротив живу, видела, вы вчера с сумкой пришли. А сейчас смотрю — открыто.

— Доброе утро. Проходите, Федот сейчас подойдёт.

Женщина взглянула на Веру внимательнее.

— Вы к Аглае приехали?

— Я её родственница. Вера.

— Антонина Павловна Зорина. Мы с Аглаей давно знакомы были.

Она переступила с ноги на ногу.

— Мне бы обещание вернуть. Я всё собиралась, а теперь вот… Вы сегодня выдаёте?

— Вы проходите, — отозвался Федот из коридора. — Квитанция при вас?

Антонина Павловна достала кошелёк. В прозрачном отделении рядом с фотографией лежал узкий сложенный листок.

— Вот. Я сначала хотела у вас спросить, можно ли забрать, если Павла уже нет.

Федот поднялся на подставку, прищурился на номер.

— Можно. Квитанция на вас, открытка на личном хранении.

— Павел — это ваш муж? — осторожно спросила Вера.

Антонина Павловна кивнула.

— Четыре года как его нет. А открытка до сих пор тут.

Федот сверился с карточками в длинном выдвижном ящике. Затем отыскал на полке плоскую коробку. На крышке значилось: «Зорина А. П. Открытка. Личное хранение».

Он поставил коробку перед посетительницей.

— В учёте отмечу. Только карандаш найду.

Вера посмотрела на карандаш у него за ухом.

— У вас…

— Знаю. Это красный. Им возврат не пишут.

Он снова исчез за прилавком.

Антонина Павловна развязала тесёмки коробки и вынула открытку с морем. По краю шла жёлтая полоска пляжа; у воды стояли люди с круглыми зонтиками.

— Он из командировки прислал. Обещал летом меня привезти. Я моря-то ни разу не видела. Хотите прочесть?

Она перевернула открытку и подвинула Вере.

«Тоня, тут даже воздух солёный. Доделаем кухню и приедем вдвоём. Куплю тебе эту нелепую шляпу, которую ты всё разглядываешь. Павел».

В нижнем углу был нарисован маленький зонтик.

— Кухню мы сделали, — сказала Антонина Павловна. — Потом у него со спиной началось. Потом мать моя слегла. Каждый год что-нибудь. Я эту открытку с глаз убрала. Всё казалось: если на неё смотрю, то попрекаю его. Аглая предложила оставить здесь до поры.

Вера вернула открытку. Посетительница провела большим пальцем по примятому уголку.

— Аглая говорила, с обещаниями тут помогают. Я думала, если заберу, то… — Она умолкла и с досадой поправила шапку. — Будто признаю, что он уже не отвезёт меня. Глупо, да? Четыре года.

— Я ещё не знаю, как здесь всё устроено, — сказала Вера. — Не хочу вам неправду говорить.

Она принесла из кухни стул. Антонина Павловна села, положив сумочку на колени.

— Сестра на море зовёт, — сказала она после паузы. — В санаторий, в декабре. У неё путёвка на двоих. Звонит каждый вечер: решила, не решила? А я представлю, как там стою без него… Он же первый мне показать хотел.

На прилавке лежала открытка с выцветшим морем. Вера поймала себя на желании сказать что-нибудь утешительное и окончательное. На работе она умела заполнять неловкие паузы. Здесь это умение только мешало.

— Вы сестре про Павла сказали?

— Она знает, что он умер.

— Я про поездку. Что вам трудно ехать без него.

— Нет. Я ей сказала, деньги жалко. Она теперь доплатить предлагает. Ещё обижается, что я отказываюсь.

Антонина Павловна достала из сумочки платок, подержала его и убрала обратно.

— Она практичная. Скажет, что море никуда не делось.

— А вы скажите, что дело не в море.

Вернувшийся Федот положил на прилавок книгу. Пока он заполнял строку, Антонина Павловна прочла открытку ещё раз.

— Мы с ним из-за этой шляпы спорили, — сказала она. — Я ему в письме описала, какую хочу. Он говорил, ветром унесёт. Смешно теперь. Даже шляпы не было, а спор уже был.

Она осторожно улыбнулась и положила открытку в сумочку, в отдельный карман.

— Заплатить сколько?

Федот передвинул к ней книгу.

— Хранение оплачено. Здесь распишитесь, что получили.

Пока Антонина Павловна ставила подпись, в узкой графе напротив её имени позеленела тонкая черта. Вера моргнула: черта вытянулась в слово «выдано». Федот, кажется, не заметил ничего необычного. Он только промокнул свежие чернила листком бумаги.

— А что теперь с обещанием? — негромко спросила Вера.

— Само обещание мы не меняли, — ответил Федот. — Павел Петрович здесь договора не заключал. Вернули открытку, как Антонина Павловна попросила.

Антонина Павловна убирала квитанцию так осторожно, словно и она теперь стала чем-то памятным.

— Сестре позвоню, — сказала она, поднимаясь. — Насчёт остального ещё не знаю.

— А ей обязательно сегодня ответить?

— До вторника можно.

— Значит, ещё есть время.

У двери посетительница остановилась.

— Вы надолго к нам?

— Пока не решила.

Антонина Павловна кивнула, словно такой ответ её вполне устраивал.

— Ну, хорошего вам дня. И штору у витрины поправьте. Там колечко соскочило.

Она вышла. За стеклом было видно, как женщина перешла улицу и открыла калитку напротив. Вера проводила её взглядом и прикрыла дверь: по полу тянуло холодом.

* * *

Федот унёс коробку, а Вера подняла с пола соскочившее колечко. Ей понадобилось две попытки, чтобы закрепить штору: ткань оказалась тяжелее, чем выглядела.

За витриной обнаружились карманные часы без цепочки, детская варежка и несколько запечатанных писем. Вера взяла часы за ушко, собираясь передвинуть их подальше от края.

— Бирку придержите, — сказал Федот.

На тонкой нитке висел номер. Она поправила бирку и положила часы на прежнее место.

— Это тоже обещание?

— Это часы. Обещание с ними связано.

— И письма?

— По-разному. Бывает, письмо человеку написать обещали и не написали. Бывает, написали, да не отдали. У каждого своё дело.

Федот проверил застёжку на коробке с ключами.

— Здесь всё чужое, — добавил он. — Руками посмотреть можно, где не запечатано. Чужую память трогать без разрешения нельзя.

Вера убрала руку с прилавка.

— Память здесь тоже хранится?

— Люди разные вещи оставляют. И не всегда потому, что они им больше не нужны. В архив пока без меня не ходите.

— А любое обещание можно сюда положить?

Федот затянул бечёвку на коробке.

— Не любое. Новые заказы Аглая сама разбирала.

— А вы?

— Выдаю по готовым записям. Квитанции сверить покажу. А что на хранение принимать — это она решала.

Вера посмотрела на дверь в конце коридора. На зелёном стекле темнели буквы, но отсюда их было не разобрать.

— Антонине Павловне я ничего не испортила?

Федот перестал поправлять бечёвку.

— Вы её слушали. У нас за это платы нет.

Вера усмехнулась, но он не улыбнулся в ответ.

— Четыре года забрать не решалась. А сегодня сама в сумочку положила.

Помощи получилось немного: стул, несколько вопросов и возвращённая открытка. Однако Антонина Павловна унесла её сама, и решать насчёт моря тоже будет сама.

На краю прилавка лежала стопка счетов, прижатая банкой со скрепками. Верхний был за электричество. Срок оплаты истёк три дня назад.

— Это мне теперь оплачивать?

— С поверенным разберётесь. Я деньги из кассы без разрешения не беру.

— Я ведь ещё не приняла наследство.

— А я и не тороплю. Ключ от дома ещё не даёт права распоряжаться чужими договорами.

— Хорошо. До понедельника ничего не выбрасываем. Сначала разберёмся, что к чему.

Она собрала счета по датам. На самом старом чернела пометка Аглаи: «Уточнить сумму». Вера положила его отдельно.

Под счетами лежало сложенное уведомление с печатью Палаты магических договоров. Вера прочитала первую строку: «Внеплановая сверка архивных записей». Дата — понедельник, девятое ноября, после полудня.

— У меня в десять поверенный, — сказала она. — А это что ещё за сверка?

Федот забрал уведомление, разгладил сгиб.

— Придут пересчитывать то, что хранится за архивной дверью. После смерти Аглаи у них вопросы к учёту.

— И у вас?

— У меня тоже, — ответил он, не глядя на неё.

Вера подняла глаза от счетов. Домовой аккуратно сложил бумагу по прежним сгибам. Она не стала расспрашивать: заметила, как крепко он сжал её края.

* * *

К обеду они сходили на кладбище. Вера купила у площади несколько белых хризантем, Федот нёс щётку и тряпку в холщовой сумке.

На невысоком холме за городом было ветрено. Аглаю похоронили возле рябины; земля ещё не успела осесть. На фотографии она смотрела чуть в сторону, как будто её отвлекли от разговора.

Федот вытер скамейку и отошёл к калитке. Вера положила цветы и постояла, не находя слов. Вчера на кухне она думала о том, чего не успела сказать. Здесь захотелось просто посидеть рядом.

Обратно шли молча. Перед площадью Федот спросил, остался ли сыр, и Вера была благодарна ему за этот вопрос.

После обеда Федот показал, где лежат чистые квитанции и как при выдаче сверять квитанцию с карточкой. Вера нашла запись о возвращённой открытке. До остальных коробок договорились пока не добираться.

К вечеру стёкла витрины потемнели. Федот запер дверь и ушёл на кухню. Вера включила настольную лампу. Хотелось записать вопросы поверенному, пока они не перемешались.

Она взяла у весов лист бумаги. Рядом лежала вторая книга, тоньше той, в которой расписывалась посетительница. На обложке было вытиснено: «Дежурный журнал». Вера помнила её закрытой: утром Федот дважды передвигал журнал, пока искал место для коробки.

Теперь книга была раскрыта. Вера наклонилась, чтобы прочесть страницу, но та оказалась пустой.

В тишине звякнул колокольчик.

Она подняла голову. За стеклом никого не было. Вера подошла к двери, проверила замок. Дверь была заперта; колокольчик под потолком уже не двигался.

— Федот?

Ответа не последовало.

Вернувшись к прилавку, она увидела, как на пустой странице медленно проступают буквы. Чернила впитывались в бумагу, будто невидимое перо выводило строку с обратной стороны.

Вера придвинула лампу.

«Хозяйка вернулась».

Глава 3. Инспектор с холодными глазами

К утру надпись в журнале высохла и стала совершенно обыкновенной.

Вера провела пальцем рядом со строкой, не касаясь букв. Ночью она дважды просыпалась: стоило закрыть глаза, и снова виделось, как на пустой странице проступают слова. Она думала о том, что следовало сразу позвать Федота громче. Накануне вечером, когда он наконец вышел из кухни, чернила уже не двигались. Домовой прочёл запись, поправил очки и закрыл книгу.

— Но я ведь ничего не приняла, — сказала тогда Вера.

— Вот об этом завтра у поверенного и спросите.

Утром она записала вопрос первым. Следом добавила счета, проверку Палаты и возможность уехать, не оставив Федоту чужие долги. Счёт с пометкой Аглаи она вложила в папку для поверенного. Список вышел длиннее, чем хотелось бы для первого знакомства.

Ровно в десять Ефим Карлович Орлов положил перед ней папку. Его кабинет оказался на втором этаже дома у площади. Из окна была видна пекарня, в которой Вера покупала хлеб; это почему-то придало встрече больше достоверности, чем табличка на двери.

Поверенный выслушал рассказ о журнале и попросил показать уведомление о наследстве.

— Здесь написано, что встреча ни к чему вас не обязывает, — сказал он. — Это по-прежнему так.

— Даже если дом уже решил, как меня называть?

— Дом не может ответить за вас.

Вера посмотрела на чистые листы в папке.

— Значит, я могу сначала узнать, что мне оставили?

— С этого и начнём.

Он не торопил её подписывать. Показал перечень имущества, отдельно отложил бумаги лавки и объяснил, какие документы ещё нужно собрать. Вера спросила о счетах и передала ему лист с пометкой Аглаи. Ефим Карлович прикрепил его к остальным бумагам о расходах.

Когда она упомянула проверку, он перестал перелистывать папку.

— Проверяют сохранность чужих записей. С вашим решением о наследстве это не следует смешивать.

— А если я соглашусь на дом, я автоматически соглашусь на всё, что лежит за архивной дверью?

— Нет. Имущество и работа хранителя — разные вопросы. Второй нужно решать отдельно, когда вы поймёте, что эта работа предполагает.

— А если я просто помогу Федоту найти бумаги? — спросила Вера. — Не получится потом, что я уже на всё согласилась?

— Вы хотите искать бумаги или принимать на себя работу лавки?

— Пока искать бумаги.

— Тогда об этом и говорите. Если вам предложат что-то подписать, просите объяснить каждое обязательство.

Вера перелистнула блокнот и вернулась к началу списка. Рядом с вопросом о наследстве стояло короткое: «Федот?»

— Я не приехала на похороны, — сказала она. — А теперь первым делом спрашиваю, как отсюда уехать.

Ефим Карлович не потянулся к следующему документу. Дал ей время закрыть блокнот.

— Вы можете не решать всё сегодня, Вера Николаевна. Сначала нужно понять, что здесь происходит.

Она кивнула и снова открыла блокнот. Ей хотелось помочь Федоту уже сейчас, хотя ответа на вопрос, останется ли она в доме, пока не было.

Вера записала ответ. Из длинного списка пока удалось вычеркнуть только один вопрос, но к остальным она теперь могла подступиться спокойнее.

Из кабинета она вышла с копиями документов. На лестнице достала телефон и сообщила матери, что встреча прошла нормально и она пока останется ещё на несколько дней. О дневной проверке писать не стала: сначала хотелось самой понять, чего от неё хотят.

* * *

После обеда Федот положил на прилавок три книги и связку ключей. Вера принесла дежурный журнал, заложила страницу с надписью чистым листком и положила рядом. У поверенного она спросила о наследстве; теперь хотела выяснить, что скажет о записи человек из Палаты.

— Вы его знаете? — спросила она.

Домовой поправил угол верхней книги.

— В извещении фамилия есть. Арден.

— Я спрашиваю, чего от него ждать.

— Пересчитывать будет. Вы ему только бумаги не перепутайте. Я по порядку сложил.

Вера сверила номера на обложках и приготовила блокнот. За окном начинался дождь. Вода собиралась на нижнем краю витрины, и через неё дом напротив казался покосившимся. Тёплый свет настольной лампы ложился на край дежурного журнала. Вера старалась не смотреть туда.

Колокольчик звякнул вскоре после часа.

Мужчина у двери сложил мокрый зонт и задержался на коврике, дожидаясь, пока с ткани стечёт вода. Он был в тёмном пальто и сером шарфе. Вера прежде всего заметила папку под мышкой: узкую, с застёжкой, которую явно не приходилось искать среди лишних вещей.

— Добрый день. Лев Арден, старший инспектор Палаты магических договоров.

Он раскрыл удостоверение и подождал, пока она прочтёт.

— Вера Соколова.

— Вы получили уведомление о сверке?

Голос был низким, спокойным, с едва заметной хрипотцой. Вера на мгновение отвлеклась от удостоверения. Ей показалось, что она уже слышала, как этот человек задаёт вопрос и ждёт точного ответа. От этой нелепой знакомости ей стало неуютно; вспомнить, где это могло быть, не удалось.

— Получила. Вчера.

Арден убрал удостоверение.

— Мне понадобятся описи, книги выдачи и доступ к архиву. Кто сейчас ведёт учёт?

— Я веду, — отозвался Федот.

Инспектор повернулся к прилавку и поздоровался с ним отдельно. Потом снял пальто, повесил его на свободный крючок и спросил, можно ли поставить зонт у двери.

Вера кивнула. Инспектор уже смотрел на приготовленные книги. Для него это, видимо, был обычный рабочий день; она же со вчерашнего вечера не знала, за что взяться сначала.

— Прежде чем начнёте, — сказала она, — я сегодня была у поверенного. Наследство пока не приняла.

— Тогда в акте так и укажем.

Он достал два чистых бланка. На верхнем Вера прочла: «Акт сверки». На втором — «Предписание об устранении расхождений».

— А проверять всё равно будете?

— Записи принадлежат людям, которые оставили их Аглае Семёновне. Смена владельца дома не отменяет проверки.

Федот подвинул к нему книги. Арден взглянул на корешки, раскрыл опись и положил рядом принесённый лист.

— Есть ещё вот это, — сказала Вера и придвинула дежурный журнал. — Вчера в нём появилась запись. Я её не делала.

Арден открыл заложенную страницу, прочёл строку и посмотрел на обложку.

— Когда вы её заметили?

— Вечером. Буквы проступили прямо при мне.

Вера ждала нового вопроса о том, кто здесь хозяйка. Но инспектор записал название журнала и время с её слов, затем положил книгу рядом с остальными. Объяснять происхождение надписи он не стал. Ей даже стало досадно: разве можно так спокойно записать то, чего быть не должно?

Вера взяла стул с кухни и села с другой стороны прилавка.

Инспектор поднял на неё глаза. Взгляд был внимательным и холодным, и Вере захотелось объяснить, что она приехала меньше двух суток назад и ещё не успела разобраться в делах лавки. Но Арден молча ждал.

Вера сжала блокнот, заметила, что согнула обложку, и разжала пальцы. Оправдываться заранее она не стала.

— Я буду записывать, — сказала она. — Чтобы потом не просить вас повторять.

Арден освободил на прилавке место для её блокнота.

* * *

Первые полчаса ничего необычного не происходило.

Федот называл номера, инспектор сверял строки. Вера разобралась, что принятие на хранение и выдачу записывают в разные книги. Почерк Аглаи был размашистым, а у Федота цифры стояли ровно, будто банки на полке. Вера поймала себя на том, что пытается представить людей за этими номерами, и заставила себя вернуться к делу.

Потом Арден перевернул страницу и остановился.

— Эти три записи после последней описи выдавались?

Федот придвинул книгу к себе. Вера видела, как его палец прошёл по трём строкам.

— В выдаче нет, — сказал он.

— Нужно проверить места хранения.

Домовой взял связку ключей.

Архивная дверь открылась в узкую комнату без окна. Федот зажёг лампу. Вдоль стен стояли шкафы с неглубокими ячейками; с потолка свисал шнур выключателя. Пахло сухой бумагой и старым деревом. Вера задержалась на пороге, пропуская инспектора. После ночной записи в журнале ей не хотелось первой входить туда, где хранились чужие обещания.

— Что-нибудь открывать будете? — спросила она.

— Сейчас проверяем наличие записей.

— А содержание?

Он посмотрел на неё.

— Для этой сверки содержание мне не нужно.

Федот приставил к шкафу лесенку. Пока он поднимался, Арден положил опись на откидную полку. Вера осталась рядом: отсюда она могла видеть и номера, и открытые страницы.

В ячейке с первым нужным номером лежал чужой конверт. Федот проверил бирку и переставил его на место двумя рядами ниже. Первую ячейку осмотрели ещё раз — нужного конверта там не было.

Вера успела подумать, что остальные пропажи объяснятся такой же перестановкой.

Вторую ячейку проверили дважды. Третью — вместе с соседними. Нужных конвертов не оказалось.

— Здесь тоже нет, — произнёс Федот.

Арден сделал отметку в листе.

— Три записи отсутствуют. Документов о возврате пока не нашли.

Вера посмотрела на его папку.

— Откуда у вас эти номера?

— Из городской описи. Они числятся на хранении в лавке.

— Но не только эти три.

Он помедлил и развернул принесённый лист так, чтобы она могла прочесть заголовок. Нужные номера были выписаны отдельно.

— По ним уже выявлены расхождения.

— То есть вы пришли искать именно их?

— В том числе.

Федот спустился с лесенки. Теперь, когда он стоял на полу, Вере приходилось наклонять голову, чтобы видеть его лицо. Домовой смотрел на пустую ячейку.

— Мне об этих номерах не писали, — сказал он. — Только что сверка будет.

— Сопоставим все документы, — ответил Арден. — Пока я фиксирую отсутствие, а не его причину.

Вера записала три номера. Ей хотелось спросить, когда именно исчезли конверты, но ни пустая полка, ни опись не могли на это ответить.

— Нужно посмотреть бумаги Аглаи, — сказала она. — Возможно, там есть то, чего нет в книге выдачи.

— Нужно, — согласился инспектор.

Это первое согласие за всё время почему-то не принесло облегчения.

* * *

В лавке стало прохладно. Вера заметила это, только когда вернулась к прилавку: в архиве она всё время стояла в одном положении и теперь никак не могла согреть пальцы. Хотелось обхватить тёплую чашку, но она оставила руки на блокноте, чтобы не пропустить ни одного слова.

Арден заполнял акт. Федот положил рядом карточку Антонины Павловны, подтверждая вчерашнюю выдачу. Инспектор сверил её с книгой и вернул.

— Эта запись закрыта верно.

— Хоть одну не потеряли, — сказал домовой.

Арден поднял голову.

— Я не говорил, что потеряли вы.

Федот убрал карточку в ящик и задвинул его чуть сильнее, чем требовалось.

Закончив акт, Арден взял бланк предписания об устранении расхождений. Вера узнала заголовок, который видела перед началом сверки, и перестала записывать.

— Что будет с лавкой?

— Если документы не найдутся и расхождения не будут объяснены, Палата приостановит работу всей лавки.

— Вы её закроете?

— До выяснения обстоятельств лавку опечатают.

Он сказал это без нажима. Вера отложила ручку.

— Я приехала позавчера вечером. Мне оставили ключ и сказали, что можно переночевать. Вчера я узнала, чем здесь занимаются. Сегодня вы уже говорите об опечатывании.

— Проверка началась не с вашего приезда.

— Для меня — с него.

Арден отложил бланк.

— Вера Николаевна, я не требую, чтобы вы приняли наследство или стали хранителем. Но в архиве должны быть три записи, которых там нет. Люди вправе получить их обратно.

Вера вспомнила, как Антонина Павловна вынимала квитанцию из кошелька. Четыре года та не могла забрать открытку. А теперь кто-то другой мог прийти с такой же бумажкой и узнать, что получать нечего. За номерами вдруг отчётливо возникло лицо женщины, которая всё-таки решилась забрать свою открытку.

— И если вы опечатаете лавку, остальные тоже ничего не получат.

— Поэтому нам нужно найти документы до этого.

— Мне тоже нужно их найти. Только я даже не знаю, с чего начинать.

Он придвинул к ней лист с номерами.

— С квитанций и переписки. Я оставлю перечень того, что нужно проверить. Если обнаружите запись о передаче, не отделяйте её от остальных бумаг.

Вера прочла список. В нём были понятные действия: сопоставить даты, найти подтверждения выдачи, проверить сопроводительные письма. С такими задачами она работала и раньше. Только прежде ошибка в папке означала забытый счёт или неверное время доставки, а теперь за ней стояли чужие обещания.

— Вы проверите городскую опись ещё раз? — спросила она.

— Проверю.

— И документы, по которым составили вот этот список. Ошибка могла появиться не только здесь.

Арден посмотрел на неё внимательнее.

— Могла. Это будет указано в запросе.

Вера снова взяла ручку. Она успела приготовить возражение и теперь не знала, куда его девать. Арден записывал её просьбу, потом на мгновение остановился и потёр переносицу — коротким, усталым движением, которого она от него не ожидала. Это не делало разговор легче: злиться на него было проще, пока он только задавал вопросы.

— Мне нужны копия акта и ваш служебный номер.

— Номер укажу на вашем экземпляре, — ответил Арден.

Он закончил заполнять предписание, отложил его и придвинул к ней акт сверки. Показал место для подписи.

— Здесь вы подтверждаете, что ознакомились с актом и получили свой экземпляр. Это не означает согласия с выводами. Прочтите прежде, чем подписывать.

Вера прочла. Никаких обязательств хранителя в этом месте не было. Она попросила прямо указать, что наследство ещё не приняла. Арден внёс уточнение без возражений и написал на обороте её экземпляра служебный номер.

Вера расписалась в ознакомлении с актом и получении своего экземпляра.

Федот поднял с пола упавшую бечёвку и начал наматывать её на картонку. В лавке было слышно, как дождь стучит по отливу.

Вера положила ладонь на папку с копиями, полученными у поверенного. Ещё утром она собиралась выяснить, сколько времени займёт оформление отказа, если дом окажется слишком хлопотным. Теперь рядом лежали три номера, за которыми были люди, ещё ничего не знавшие о проверке. От собственного утреннего плана ей стало неловко, хотя право уехать у неё по-прежнему оставалось.

— Я не знаю, останусь ли здесь, — сказала она. — Но обещаю разобраться с этими тремя записями. Чтобы люди сами могли решить, забрать своё или оставить. Не мы с вами за них.

Вера убрала наследственные бумаги в сумку. На прилавке оставила лист с тремя номерами. За этот поиск она бралась сама; принимать решение о работе хранителя пока не была готова.

Арден подвинул к ней заполненное предписание.

— Здесь указан срок, — сказал он.

Вера развернула лист.

Четырнадцать дней на устранение расхождений.

Ниже, после слов «при неустранении нарушений», стояла дата: двадцать третье ноября.

— Если расхождения не устранят, через четырнадцать дней лавка будет опечатана, — сказал инспектор.

Глава 4. Подпись из прошлого

Когда за инспектором закрылась дверь, Вера ещё некоторое время стояла с предписанием в руках.

Двадцать третье ноября. Она достала телефон, открыла календарь и поставила напоминание за два дня до этой даты. Потом убрала телефон. От того, что срок теперь появился ещё и на экране, времени не прибавилось. Голос Ардена, произнёсшего дату без всякого нажима, всё ещё звучал в памяти. Веру раздражало, что она запомнила его так отчётливо.

Федот подвинул к ней чашку.

— Пейте, пока не сравнялось с комнатной температурой.

— Вы всегда так предлагаете чай?

— Не всегда. Иногда уже поздно предлагать.

Она села на стул у прилавка. Чай был ещё горячим. Напротив лежал лист с тремя номерами, рядом — акт с её подписью о получении. Вера положила предписание к акту и собрала бумаги в одну стопку.

— Сначала бумаги Аглаи, — сказала она. — Есть отдельное место для её переписки с Палатой?

Федот кивнул в сторону коридора.

— В шкафу. Только верхние папки не вытаскивайте снизу. Там всё съедет.

— А читать их можно?

— Служебные бумаги лавки можно. Личное хранение в другом месте. Я покажу.

Вера допила чай, оставила чашку на прилавке и вложила бумаги проверки в блокнот. Его она взяла с собой.

* * *

В шкафу нашлись коробки с квитанциями, папки со счетами и два длинных ящика, забитых конвертами. Федот выбрал папки с перепиской Палаты и положил их на откидную полку, потом достал плоскую папку с завязками.

— Это к лавке относится. По хозяйству и по устройству. Если в переписке отсылка будет, здесь смотреть.

На корешке значилось: «Учредительные документы». Ниже карандашом было дописано: «Проверить оглавление».

Вера взяла выбранные папки и отнесла их прямо на кухню. Федот убрал со стола хлебницу, принёс лампу и придвинул себе табурет. Вера положила папки на освободившееся место, достала из блокнота бумаги инспектора и разложила их рядом.

— Всё сегодня разберёте?

— Сначала пойму, сколько здесь всего.

Она проверила оглавления, пересчитала вложенные листы и выписала обозначения рядом с номерами. В описи одно и то же называли «записью», в письмах — «делом», а иногда оставляли только цифры. Вера не хотела принять одну бумагу за три разных. Но разбирать всё хозяйство лавки за вечер тоже не собиралась.

Поначалу работа успокаивала. Даже неровная стопка становилась понятнее, если разделить её по датам и не хвататься за всё сразу.

В одном письме Палата просила подтвердить получение конверта; приложенный ответ относился к другому номеру. На второй квитанции последние цифры скрывались под сгибом. Вера расправила бумагу. Снова не то.

Она отметила обе неудачи в блокноте и вернула письма на места. Федот подвинул лампу ближе и ничего не спросил. Вера была благодарна ему за это.

За окном окончательно стемнело. Федот зажёг свет над плитой и поставил греться ужин. На кухне пахло едой и чаем; Вера невольно вспомнила зелёное слово «выдано», само проступившее в книге накануне. Здесь каждая папка казалась обычной, пока не выяснялось обратное. Она ещё раз просмотрела перечень инспектора. Внизу было указано, что при отсутствии подтверждений нужно проверить старые сопроводительные документы.

— Здесь в письме ссылаются на учредительный договор, — сказала она. — Посмотрю, как в нём названы книги. Я пока в них путаюсь.

Федот сдвинул к ней папку с завязками.

Внутри лежали несколько отдельных документов. Вера нашла нужное название в перечне и вытащила сшитые листы, проложенные плотной бумагой. Переписала номер договора, прежде чем начать читать.

«Учредительный договор лавки хранения и возвращения обещаний».

Ниже стояло: «Тихоречье. 1969 год».

Вера посмотрела на дату. Аглая, должно быть, была тогда совсем молодой. Вера представила, как та сидела здесь над такими же тяжёлыми формулировками, придерживая рукав, чтобы не задеть чернила. Вдруг стало обидно, что теперь нельзя спросить её даже о таких пустяках. Старая чашка на подоконнике показалась почти новой вещью рядом с бумагами, которые лежали перед ней.

Она перевернула страницу.

В договоре говорилось о хранении, выдаче и сохранности переданного лавке. Формулировки были длинными; Вера дважды возвращалась к началу одного абзаца, прежде чем поняла, что он касается учёта. Нужного названия книги здесь не оказалось. Она проверила следующий лист.

На последней странице стояли подписи.

Несколько тесных строк, разные почерки. Одни имена она разобрала сразу, другие едва угадывались за выцветшими росчерками. Внизу оставалось немного свободного места.

Там было написано: «Вера Николаевна Соколова».

И стояла её подпись.

* * *

Вера прочитала имя ещё раз. Потом приблизила лампу, хотя света и без того хватало.

Сначала она решила, что приняла росчерк за знакомый. Но наклон первых букв, короткий излом посередине и нижняя черта были её. Она знала эту подпись слишком хорошо: совсем недавно выводила её под бумагами о разводе. От воспоминания о том кабинете стало ещё холоднее.

Вера развернула первую страницу. Тысяча девятьсот шестьдесят девятый.

Вернулась к последней. От плиты шло тепло, а у неё вдруг похолодело под рёбрами. Хотелось отодвинуть договор подальше. Вместо этого Вера осторожно приподняла угол страницы. Лист был вшит в договор вместе с остальными.

— Федот.

Домовой убавил огонь.

— Сейчас. Здесь прилипает.

Она подождала, пока он отставит кастрюлю. Не хотелось произносить вопрос громче: тогда пришлось бы признать, что она испугалась.

— Посмотрите, пожалуйста.

Федот поднялся на табурет. Вера показала строку.

Он поправил очки, придвинул лист к лампе и прочёл строку вслух.

— Соколова. Вера Николаевна.

— Я вижу, что там написано. Почему я здесь?

Домовой посмотрел на неё поверх очков.

— Откуда мне знать?

— Это точно старый договор? Не копия?

Он перевернул первый лист, сверил номер с перечнем в папке.

— По оглавлению он. А копия или нет — Ардену показывать надо.

Вера отодвинулась от стола. В кухне всё выглядело как прежде: свет над плитой, лампа, кастрюля на подставке. Ей хотелось, чтобы Федот сказал, что здесь перепутана дата или что в Тихоречье живёт ещё одна Вера Соколова. Он снова наклонился над перечнем.

Она взяла акт сегодняшней проверки и положила рядом с договором.

На акте подпись была чуть мельче: инспектор отвёл для неё узкую строку. Но излом и нижняя черта совпадали.

Федот взглянул на оба листа, спустился с табурета и вернулся к плите. Больше он ничего не сказал.

Вера взяла телефон. В шапке акта был напечатан номер Палаты. Она набрала его и попросила соединить со старшим инспектором Арденом, назвав служебный номер, который он записал на обороте её экземпляра.

После короткого ожидания в трубке раздался знакомый голос.

— Арден.

— Это Вера Соколова. Я начала разбирать переписку. Нашла учредительный договор.

— По трём номерам есть сведения?

— Пока нет. Здесь другое. На последней странице моё имя и подпись. А сам договор — тысяча девятьсот шестьдесят девятого года.

На том конце стало тихо. Вера услышала, как он положил что-то на стол. Ей на мгновение показалось, что Арден тоже растерялся. Эта мысль почему-то успокоила сильнее, чем готовый ответ.

— Вы сейчас смотрите на оригинал?

— Не знаю. Федот говорит, что номер совпадает с перечнем.

— Прочтите мне номер.

Она продиктовала, затем назвала заголовок и дату.

— Листы не расшивайте. Оставьте вместе с папкой. Я посмотрю завтра утром.

— Я этого не подписывала.

— Я услышал, Вера Николаевна.

Ей хотелось спросить, поверил ли он. Вместо этого она уточнила, во сколько его ждать, и записала время в блокноте. В половине десятого. Только закончив разговор, заметила, что всё это время слишком крепко сжимала телефон.

Федот поставил перед ней тарелку. Вера вернула договор в папку между плотными листами, а бумаги проверки положила сверху, под обложку. Завязала тесёмки и отодвинула папку к стене, подальше от тарелки.

— Вы же не собираетесь всю ночь на них смотреть? — спросил домовой.

— От этого что-нибудь изменится?

— Ужин остынет.

Вера взяла ложку. После первого же глотка поняла, что давно хочет есть.

* * *

Утром, во вторник, она спустилась на кухню. Федота там ещё не было.

Папка лежала на прежнем месте. Вера открыла её, проверила последнюю страницу и снова завязала тесёмки. Имя не исчезло. Вчера вечером, пока она умывалась, ей ещё удавалось на несколько минут поверить, что всё объяснится усталостью. Ночью она прислушивалась к дому, сама не понимая, чего ждёт: скрипа половиц, голоса Федота или того, что страницы снова станут обыкновенными. Теперь пришлось искать другое объяснение.

Она записала вопросы для инспектора. Затем поставила чайник и нарезала хлеб. Занятыми руками было проще дождаться половины десятого. К приходу Ардена Федот уже занялся завтраком.

Арден пришёл вовремя. На этот раз без зонта, с той же узкой папкой. На рукаве пальто застряла светлая нитка; почему-то именно её Вера заметила прежде всего. Он снял пальто, вымыл руки и только потом подошёл к столу.

Вера развязала папку, вынула сшитые листы договора и развернула их перед ним.

— Вот.

Он прочёл заголовок, осмотрел печать и место сшивки. Затем перевернул листы один за другим. На последнем задержался.

Вера стояла рядом. Она приготовилась подробно объяснять, почему уверена в собственной подписи, но инспектор пока ничего не спрашивал.

Федот поставил возле него чашку.

— Подальше от бумаг, пожалуйста, — сказал Арден.

Домовой молча переставил её на другой край стола.

Инспектор вынул из своей папки лист с выписанными сведениями и сопоставил его с первой страницей.

— Номер я сверил. Такой договор зарегистрирован при основании лавки. Дата указана верно.

— А сами листы?

— Это подлинник. Сшивка и печати сохранены.

— Значит, этим листам больше полувека?

— Договор составлен тогда.

Вера достала из папки акт проверки и пододвинула к нему.

— Здесь я расписалась вчера. При вас.

Арден положил бумаги рядом, осмотрел обе подписи. Затем ещё раз проверил сшивку и заглянул в принесённую выписку.

— Это магический договор. Так он и зарегистрирован, — сказал он. — Насколько я могу судить по сшивке, лист с подписями не подменён. Возможно, эта запись появилась здесь магическим способом.

Вера заставила себя дослушать, хотя уже хотела его перебить.

— То есть она настоящая?

— Подлинность договора я могу подтвердить. Происхождение этой подписи — пока нет. Мне нужно полное регистрационное дело. Совпадение росчерков само по себе не доказывает, что подписывали вы.

Вера опёрлась ладонями о край стола.

— В тысяча девятьсот шестьдесят девятом меня ещё не было.

— Я не утверждаю, что ваша подпись появилась одновременно с первой страницей. Под ней нет отдельной даты.

Она посмотрела на него.

— Я вообще её здесь не ставила. Ни тогда, ни позже.

— Это я и запишу с ваших слов.

Арден достал из своей папки лист для заметок. Вера вдруг поняла, как невыносимо ей будет смотреть, если он начнёт аккуратно оформлять и это. Ещё одна строка о расхождении, ещё один срок.

— Я не прошу верить мне из вежливости, — сказала она. — Вы можете спросить поверенного. Я вчера сказала ему, что пока готова только искать бумаги. Становиться хранителем я не соглашалась.

— Я помню, что вы сказали на проверке.

— Но здесь моя подпись.

Он посмотрел на акт, затем на старый договор.

— Поэтому я и приехал его проверить.

Вера убрала руки со стола. Она ожидала, что он укажет на лист и напомнит об ответственности. Вместо этого Арден записал номер договора и её возражение.

Федот подвинул к ней стул. Вера села, благодарная, что он ничего не спросил.

Арден попросил разрешения сфотографировать рассмотренные страницы. Вера согласилась. Он сделал снимки и оставил договор раскрытым на столе; акт вернул ей. Она вложила его в папку.

— Пока выясняем происхождение записи, — сказал Арден. — Не будем приписывать вам обязательства, которых вы не принимали.

— Я хочу понять, что означает моя подпись.

— Я проверю регистрационное дело договора, — ответил он. — Возможно, там есть сведения, которых нет в этой папке.

Он осторожно повернул сшитые листы к Вере, чтобы ей была видна последняя страница.

Вера придвинула к себе договор. Ей хотелось убрать его в папку и завязать тесёмки, но она не отводила глаз от последней страницы.

Среди чужих имён стояла её подпись.

Она уже потянулась за папкой, когда заметила под своим росчерком тонкую серую черту.

Вера убрала руку.

Черта медленно темнела. На бумаге одна за другой проступили буквы, складываясь в слова.

«Она уже обещала вернуться».

Вера перечитала их дважды.

Но кому она это обещала?

Глава 5. Первое возвращённое обещание

— Здесь ещё кое-что, — сказала Вера.

Арден уже убирал выписку в свою папку. Он остановился, когда она показала на строку под подписью.

— Только что появилось. Вы видите?

Он наклонился к столу.

— Вижу.

Федот пододвинул табурет, и Вера придержала его, пока домовой поднимался. Он прочёл новые слова и поправил очки.

— Раньше не было, — сказал он.

— Я не знаю, о каком обещании речь, — сказала Вера. — Вчера я обещала разобраться с тремя записями. Про возвращение ничего не говорила.

Арден попросил разрешения сделать ещё один снимок. На экране его телефона слова читались так же отчётливо, как на бумаге.

— Я добавлю это к запросу, — сказал он. — Но объяснения у меня пока нет.

Вера кивнула. Ей хотелось возразить, что объяснение нужно сейчас, а не после следующего запроса. Вместо этого она дождалась, пока Арден уберёт телефон, вернула сшитые листы между защитными и завязала папку. Акт, предписание и перечень остались под её обложкой. Папку она положила на верхнюю полку кухонного шкафа, отдельно от посуды.

Федот спустился на пол.

— Чай допейте, — сказал он инспектору. — Пока у него ещё есть температура.

У Веры на секунду дрогнули губы. С утра она почти не чувствовала вкуса. Уже прикидывала, какими словами отвечать на самые обычные просьбы, чтобы ни с чем лишним не согласиться. От этого злилась ещё сильнее: теперь даже чашку чая приходилось обдумывать.

Арден отправил запрос с телефона и попросил Федота приготовить карточки к остальной части описи. Оставалось сверить несколько выдач и посмотреть записи, которых не было во вчерашнем перечне пропаж.

В лавке звякнул колокольчик. Вера взяла с кухонного стола блокнот и вышла к прилавку. Арден пошёл следом.

На пороге стоял пожилой мужчина в коротком пальто. Одной рукой он держал шапку, другой — бумажник, уже раскрытый на нужном отделении. По тому, как прочно он упирался ногами в коврик, Вере показалось, что войти ему было труднее, чем дойти до двери.

— Аглая Семёновна… — начал он и умолк. — Знаю. Мне сказали.

Федот прошёл к прилавку и поднялся на подставку.

— Забрать что-то пришли?

Мужчина вынул квитанцию и положил на прилавок. Бумажник убрал в карман.

— Письмо. Если ещё хранится.

* * *

На квитанции было написано: «Ремизов Алексей Матвеевич. Письмо Семёну Матвеевичу Ремизову». Ниже стоял номер — четыреста восемьдесят семь.

Федот нашёл карточку в выдвижном ящике и положил рядом с квитанцией.

Вера спросила у посетителя, можно ли посмотреть карточку. Тот кивнул. Рядом с номером она увидела штемпель часовой мастерской; на нём тоже стояла фамилия Ремизова.

— Мне бы просто забрать, — сказал он. — Дальше я сам.

— Сверим, — ответил Федот. — Письма у нас пачками не выдают.

Федот поднял с прилавка квитанцию, взял архивные ключи и пошёл в коридор. Арден попросил разрешения присутствовать при сверке номера; Ремизов согласился и остался ждать у прилавка. Вера пошла с Федотом и инспектором до архива.

Домовой отпер дверь, убрал ключи в карман жилета и зажёг лампу. Квитанцию положил на откидную полку, приставил лесенку к среднему шкафу и поднялся по ней. Вера остановилась возле полки, Арден — справа от неё. Отсюда были видны номера на ячейках.

Нужный конверт оказался на месте. Плотный, коричневатый, с двумя загнутыми уголками. Федот сверил бирку с квитанцией и положил его на полку.

— Рядом тоже посмотрим, — сказал Арден, проверяя следующий пункт описи.

Федот достал из соседней ячейки серый конверт с номером пятьсот двенадцать. Инспектор сверил бирку со своей строкой и вернул домовому нераспечатанный конверт. Тот поставил его обратно надписью наружу. Вера отметила в блокноте оба номера: один для выдачи, второй на месте.

Федот забрал с полки коричневый конверт и квитанцию, спустился с лесенки. Когда все вышли в коридор, он погасил свет, достал ключи и запер архив. Связку снова убрал в карман жилета.

У прилавка Ремизов всё ещё держал шапку. Он присел на стул и расстегнул пальто только после того, как Федот положил перед ним письмо и квитанцию.

Вера осталась по другую сторону прилавка. Арден отнёс свою папку на свободный край, подальше от посетителя, и раскрыл книгу выдачи.

Ремизов провёл пальцами по конверту.

— Три года, — сказал он. — Когда принёс, думал, на неделю оставлю.

Федот открыл нужную запись.

— Здесь получение письма подтверждаете. Передачу брату пока не отмечаю.

— Я знаю.

Часовщик взял ручку. Вера заметила жёлтый след от пластыря на его указательном пальце и подумала, что руки у него для возраста удивительно точные. Он расписался, положил ручку и не убрал письмо.

— А если он не возьмёт?

Федот посмотрел на него поверх очков.

— Тогда не возьмёт.

Вера придвинула квитанцию к владельцу.

— Он знает, что вы собирались написать?

— Я обещал рассказать, куда отцовские часы делись. Ещё когда отец умер. Брат говорил: не к спеху, найдутся. А они не пропадали.

Алексей Матвеевич выровнял конверт по краю прилавка.

— Я их продал. Долг за мастерскую надо было закрыть. Сказал, что при переезде потеряли. Семён потом все коробки перебрал, даже на чердак к соседям ходил. А я помогал искать.

Вера не нашла, что ответить. Посетитель, кажется, и не ждал ответа.

— Всё думал, выкуплю и положу на место. Куда только не писал. Потом узнал, что человек, который купил, умер, вещи распродали. Никакого адреса. В письме всё есть. И деньги я отложил. Только Семёну не деньги нужны были.

За его спиной качнулась от сквозняка табличка на двери. Вера обошла прилавок и плотнее прикрыла створку.

— Вы письмо отдать хотите или сначала поговорить?

— Отдать. Читать он при мне не станет.

— Тогда можно начать с этого.

— Я уже начинал. До его подъезда дошёл и обратно. Потом сюда принёс. Аглая сказала: на хранение возьму, но относить всё равно вам.

Он поднял на неё глаза.

— Вы не могли бы… Я не прошу за меня объясняться. Только до двери дойти.

Первым порывом было отказаться. Ей и без чужого письма хватало дел. После развода она собиралась наконец понять, чего хочет сама, а здесь опять нужно было согласовать, напомнить, позвонить, довести до конца. Всё это Вера умела слишком хорошо.

Ремизов ждал, не убирая конверт. Она могла бы сейчас сослаться на проверку и вернуться к своим бумагам. Но вспомнила, как он признался, что помогал брату искать проданные часы. Поговорить с братом ему всё равно придётся самому.

— До двери я с вами дойду.

— Вы берётесь их помирить? — спросил Арден.

— Договориться о встрече.

— Обычно человек, которому предлагают помощь, слышит больше, чем ему обещают.

Вера повернулась к часовщику.

— Алексей Матвеевич, я не смогу сделать так, чтобы брат вас простил. Если он не захочет разговаривать, мы уйдём.

— Мне бы письмо отдать. Я об этом прошу.

— А брат вообще согласен вас видеть? — спросил Арден.

— Поэтому я собираюсь ему позвонить. Алексей Матвеевич, его телефон у вас есть?

— Есть.

Вера уже приготовилась к следующему возражению, но инспектор промолчал. Ей было досадно, что перед ним приходится защищать даже такую простую вещь. И всё-таки вопрос о втором брате стоило задать.

Вера достала телефон и набрала номер, который продиктовал Ремизов.

— Семён Матвеевич Ремизов? Меня зовут Вера Соколова, я сейчас помогаю в лавке Аглаи Семёновны. Ваш брат здесь, хочет передать вам письмо. Я звоню по его просьбе.

— Если ему нужно, пусть сам и позвонит.

— Он собирается прийти. Вы готовы его принять? Можно просто взять письмо и прочесть потом.

В трубке помолчали.

— И долго вы будете меня уговаривать?

— Вы можете отказаться. Я спрашиваю, чтобы мы не пришли без приглашения.

Ремизов следил за её лицом. Вера отошла к окну, чтобы он не пытался угадать ответ по каждому её движению.

— До обеда я дома, — сказал Семён. — Пять минут. Только никаких разговоров о том, что я должен его понять.

— Я передам.

Закончив звонок, Вера положила телефон рядом с блокнотом и вернулась к часовщику.

— Брат готов принять письмо до обеда, но просит уложиться в пять минут. Разговаривать и прощать не обещал. Пойдёмте, если вы готовы.

Алексей Матвеевич убрал конверт во внутренний карман и встал.

* * *

Семён Матвеевич жил в доме за пекарней. Адрес Алексей назвал сам; идти, по его словам, было минут пятнадцать.

Вера надела пальто и шарф, взяла с прилавка телефон и положила вместе с ключом от лавки в карман. Блокнот оставила на прилавке. Ремизов убрал квитанцию в бумажник и надел шапку.

Федот протянул ему обыкновенный бумажный пакет.

— Дождь пойдёт — сюда уберите. У вас карман сверху открыт.

Часовщик принял пакет, сложил и тоже спрятал в пальто.

Арден оторвался от книги.

— Я ещё останусь закончить сверку, — сказал он Вере. — Папки с кухни не беру.

Она кивнула. Хорошо, что он сказал об этом сам.

На улице было сыро. С навеса пекарни падали редкие капли, булочки за стеклом уже успели сменить утренние буханки. Из открытой двери тянуло тмином и тёплым хлебом. Женщина с бумажным пакетом придержала дверь локтем.

— Алексей Матвеевич, спасибо вам за часы. Опять идут.

Он коснулся края шапки. Женщина побежала к площади, прижимая хлеб к пальто. Алексей Матвеевич шёл быстро, но перед каждым поворотом немного замедлялся, и Вера подстраивалась под его шаг.

— Вы давно часы чините?

— С шестнадцати лет. У отца учился. Старые больше люблю. Молодые всё новые покупать хотят.

Он помолчал.

— Эти я бы тоже починил. Там пружина слабо держала. Всё время собирался.

У нужного дома он остановился возле объявления о замене домофона.

— Хотите, я подожду здесь?

Часовщик покачал головой и набрал номер квартиры на домофоне. В динамике отозвались, замок щёлкнул. Они вошли в подъезд и поднялись на второй этаж.

Дверь квартиры открыл его брат. Седой, широкоплечий, в тёмном кардигане с распущенным манжетом. Посмотрел на Алексея, потом на Веру.

— Письмо принёс.

Семён взялся за край двери.

— Лёша, ты мне это уже говорил.

Алексей достал конверт. Угол зацепился за подкладку; он потянул сильнее и замер.

Вера отвернулась к окну на лестничной площадке. За мутным стеклом виднелась крыша сарая, на которой рос тонкий пучок травы. Рядом с ней зашуршала ткань.

— Теперь принёс, — сказал Алексей.

— Это вы звонили? — спросил Семён у Веры.

Она повернулась.

— Да. Алексей Матвеевич попросил меня проводить его.

Семён посмотрел на брата.

— А без свидетелей нельзя?

Вера потянулась к карману, где лежал телефон, и остановила себя. Проверять было нечего. Просто хотелось занять руки.

— Могу подождать ниже, — сказала Вера.

Семён не сразу протянул руку. Когда протянул, Алексей подал конверт обеими руками и наконец выпустил.

— Прочту, — сказал брат. — Больше пока ничего не обещаю.

— Там про часы.

— Я понял.

Алексей не двигался. Вера отступила на ступень ниже, освобождая место перед дверью.

— Я их продал, — сказал он. — Не потерял. Продал, а тебе врал. Всё написал. Только это я должен был вслух сказать.

Семён опустил взгляд на конверт. Большим пальцем прижал загнутый уголок.

— Я двенадцать коробок тогда разобрал, Лёша.

— Помню.

— А ты ещё сердился, что я подписи на них перепутал.

— Знаю.

Из квартиры донёсся короткий свист чайника. Семён не обернулся.

— Я тебе ничего сейчас не отвечу.

— Хорошо.

— И деньги мне не приноси. Там у тебя про деньги написано?

Алексей кивнул.

— Так вот, не приноси. Прочту сначала.

Вера спустилась ещё на несколько ступеней. Здесь был слышен гул улицы из приоткрытой форточки, и слова братьев уже не различались. Она остановилась у перил.

Когда Алексей Матвеевич спустился к ней, письмо осталось наверху.

— Сказал, в четверг можно зайти, — сообщил он. — После трёх. Но чтоб я не думал, что всё уже хорошо.

Вера отняла руку от перил.

— Записать вам?

— Нет. Это я запомню.

На улице начался мелкий дождь. Часовщик достал бумажный пакет, посмотрел на него и сложил обратно.

Они пошли к лавке. У пекарни Алексей Матвеевич остановился и впервые за всю дорогу посмотрел на витрину.

— Семён с тмином любит, — сказал он. — В четверг возьму. Сегодня не надо.

* * *

Вернулись они незадолго до полудня. Федот поставил у двери тряпку и сразу попросил вытереть ноги.

На прилавке лежали две раскрытые книги. Арден сидел у дальнего края со своей описью. Увидев вернувшихся, он закрыл папку, а Федот достал карточку Ремизова.

Алексей Матвеевич снял пальто и шапку, повесил их на свободный крючок, достал из бумажника квитанцию и передал Федоту. Потом подтвердил, что лично вручил письмо брату. Федот записал это со слов владельца и дал ему прочесть.

— Обещал рассказать — рассказал, — сказал часовщик, глядя в книгу. — А он ещё не простил.

Федот положил рядом с книгой промокательную бумагу. Алексей Матвеевич ещё раз прочёл запись. Здесь было только о том, что он сам сделал.

Он расписался под отметкой о передаче письма. Вера видела, как ровно легли буквы. На этот раз ручка сразу коснулась бумаги.

Федот вернул ему квитанцию с отметкой о выдаче. Алексей Матвеевич убрал её в бумажник.

Часовщик надел пальто. Уже взявшись за ручку двери, повернулся к Вере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.